Гермионе Грейнджер нравилось думать, что она довольно умная ведьма. Она не любила плохо думать о своих друзьях, но считала себя "мозгом" Золотого трио и гордилась этим фактом. Рон был... ну, Рон, и если это не было связано с квиддичем или едой, его это не волновало. Она постоянно заставляла его делать домашние задания, готовиться к урокам и практиковаться в заклинаниях; она отчаялась когда-либо заставить его добровольно пойти в библиотеку. А Гарри...

Гарри, похоже, просто не был заинтересован в том, чтобы хорошо учиться. Она знала, что Гарри умен, и знала, что он более силен, чем кажется, но, похоже, он следовал примеру Рона в том, как справляться с домашними заданиями и уроками, а не ее собственному. В ее глазах это было еще хуже, чем то, что Гарри был достаточно умен, чтобы сдавать все уроки на пятерки и выше, не прилагая к этому никаких усилий. Она просто знала, что если бы он действительно старался, то легко мог бы оказаться в числе лучших в классе вместе с ней.

Это было более чем досадно, но у нее было почти шесть лет, чтобы привыкнуть к мальчикам и их плачевным привычкам в учебе.

Гермиона не была забывчивой, но и не была особенно наивной. Она знала, что может показаться другим немного властной, и прекрасно понимала, что ее склонность к "всезнайству", проявлявшаяся, когда она нервничала, мало способствовала ее расположению к соседям по комнате на первом курсе. И она знала, что склонна опекать Гарри больше, чем это было необходимо или уместно, но ничего не могла с собой поделать. Он постоянно попадал в опасные для жизни ситуации, и хуже всего было то, что он не столько искал их, сколько попадал в них совершенно случайно.

К тридцати годам у нее появятся седые волосы.

И поскольку Гарри совершенно не стеснялся бросаться с головой в различные опасные затеи, практически не заботясь о собственном благополучии, Гермиона взяла на себя обязанность быть голосом разума, которого ему явно не хватало. На самом деле она была весьма обеспокоена его странными мученическими наклонностями и часто думала о том, что на него наложено какое-то заклинание, делающее его исключительно безрассудным. Она незаметно подыскивала контрпроклятия от наваждения и другие заклинания, изменяющие поведение, и била его ими, когда он отвлекался, но ничего не менялось, насколько она могла судить.

Она совершенно не раскаивалась в том, что применяла к Гарри заклинания без его ведома. Если бы он был под внушением, она бы развеяла его, и никто бы не узнал. Если же он не был... что ж, это вызывало ещё большее беспокойство, поскольку означало, что его поведение полностью зависит от него самого. Она не знала, что это говорит о его душевном состоянии, но от этого становилось не по себе.

Благодаря всем их ежегодным приключениям Гермиона почти шестым чувством улавливала, когда Гарри подвергает себя ненужной опасности. Поэтому не было ничего удивительного в том, что она резко поднялась на ноги посреди библиотеки, когда её Гарри-чувства внезапно дали сбой.

"О боже..." Гермиона вздохнула, закрыла книгу, которую читала (довольно увлекательный том об искусстве колдовства), и встала, собираясь найти Гарри и убедиться, что он не причинил себе непоправимый вред, пока её не было рядом с ним.

Она поспешила по коридору к лестнице, уверенная, что Гарри, как обычно, скрылся в старой комнате Сириуса, чтобы избежать всех. Она встретила его на полпути по коридору второго этажа, когда он, пошатываясь, выходил из комнаты под тяжестью большой чёрной мантии, и с облегчением улыбнулась, что он не выглядит покалеченным или получившим какие-либо другие травмы. Она остановилась на полушаге, когда Гарри повернулся, чтобы посмотреть на неё, и его странная громоздкая мантия повернулась вместе с ним.

О.

Это была вовсе не мантия. Это был Смерть - она скептически относилась к его истинной сущности, но, не имея никаких доказательств обратного, просто приняла это как данность, прижавшись к спине Гарри, словно странная двуногая пиявка. Как ни странно, но обе руки Смерти (нездорово тонкие) обхватывали каждое запястье Гарри, и именно это неудобное положение заставило Гарри споткнуться.

Она мысленно сделала шаг назад и попыталась понять, на что смотрит. Гарри выглядел донельзя раздражённым (такого выражения она никогда не видела на его лице, но оно ему шло), но не слишком обеспокоенным тем, что взрослый мужчина висит на нём или стоит так далеко в его личном пространстве. Гарри вообще терпеть не мог, когда к нему прикасались, и держал вокруг себя пузырь, который в присутствии других был почти физическим. Он вздрагивал от её объятий, сторонился хлопков по плечу и спине, и она смогла вспомнить только три случая, когда он был инициатором какого-либо физического контакта с кем-либо. Поэтому было особенно странно, что он не проявлял ни малейшего напряжения, как обычно, когда к нему целенаправленно прикасались. Если бы она не знала ничего лучше, то сказала бы, что Гарри выглядел очень расслабленным.

Смерть, напротив, выглядел так, словно был одновременно напуган тем, что вот-вот произойдёт нечто ужасное, и невероятно счастлив, что это не происходит сейчас. Эти пугающие электрические глаза неподвижно смотрели на запястья Гарри, как будто он не был уверен, что тот проснулся. Его лицо в кои-то веки не было растянуто в маниакальной ухмылке, а скорее в задумчивом подобии улыбки, которая выглядела так, словно принадлежала кому-то намного старше, чем он выглядел сейчас.

"...Гарри?" - неуверенно спросила она, неуверенно зависнув в нескольких футах от него. Гарри ободряюще улыбнулся ей, а Смерть вскинула абсентные глаза, чтобы на мгновение заглянуть ей в самую душу, а затем вернуться к своему странному запястью.

"Все в порядке, Миона. Он просто давно никого не трогал".

Почему-то Гермиона решила, что это сильно преуменьшено. Как и подобает Гарри, с нежностью подумала она. Однако она не могла понять, что именно вызвало у нее чувство

Гарри. Он не выглядел раненым, и, поскольку Смерть так приклеилась к нему, Гермиона решила, что никто не смог бы подсунуть ему что-то незаметно.

К счастью, Смерть просветил ее, похоже, вообще не заметив ее присутствия. "К счастью, наши души настолько похожи, что ты избежала моего Прикосновения, маленькая оболочка. Я бы не хотел возвращать твою душу в тело, зная, какую боль это тебе причинит".

Гермиона почувствовала, что её мир сузился до точки.

Что. У Гарри было что.

Души? Осязание? У Гермионы голова шла кругом, она пыталась осознать грандиозность того, во что Гарри каким-то образом вляпался, пока она была занята другими делами. Сам Гарри побледнел и уставился на неё широко раскрытыми глазами, и она поняла, что сейчас он начнёт оправдываться и обещать, что всё под контролем.

"Миона, я могу объяснить..."

Нет. Гермиона не стала бы этого делать.

Если бы не мужчина, держащий в заложниках оба его запястья, она бы вцепилась ему в руку, чтобы он не смог убежать. Должно быть, выражение ее лица было достаточно грозным, потому что Гарри попытался сбежать.

К несчастью для Гарри, его пассажир, похоже, не чувствовал опасности - или не заботился о ней - и помешал ему бежать тем, что был выше и (похоже, несмотря на все доказательства обратного) физически сильнее Гарри, а потому остался невредим. Гермиона мрачно улыбнулась, довольная тем, что её другу не удастся выкрутиться из этого разговора. А это был бы разговор. Гермиона Грейнджер умела ворчать как никто другой, но в данной ситуации требовались обещания избежать в будущем опасных для жизни ситуаций, угрожающих душе, и поэтому они оба будут участвовать, она в этом уверена. И если в процессе ей удастся образумить мальчика, что ж...

Она не будет сильно возражать.

http://tl.rulate.ru/book/101167/3474875